

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А.Петровский

**В ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2013

УДК 159.9
ББК 88
П30

Рецензенты:

академик РАО, доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии личности МГУ им. М.В. Ломоносова,
директор Федерального института развития образования

А.Г. Асмолов

доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН

В.Е. Лепский

Петровский, В. А.

П30 «Я» в персонологической перспективе [Текст] / В. А. Петровский ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 502, [2] с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-0893-0 (в пер.).

В книге доктора психологических наук, ординарного профессора НИУ ВШЭ, лауреата премии «Золотая Вышка — 2011» (в номинации «Достижение в науке»), члена-корреспондента Российской академии образования В.А. Петровского представлена модель рефлексивного синтеза категорий общей персонологии: организм → индивид → я → личность → человек. Давая оригинальную трактовку каждой из категорий, автор знакомит читателя с собственными моделями логико-математической интерпретации активности человека. Среди них метаимпликативная модель мотивации выбора, трансактная модель саморегуляции, импульсная модель экзистенциального выбора, модель состоятельности, модель гедониста, модель «семь пространств существования личности», булева модель смысловых миров, «алгебра когито», модель «значимых других во мне» и др. Логико-философские и психолого-математические исследования автора находят свое развитие в «персоно-логике», объединяющей теоретические и практико-ориентированные разработки в области персонологии — «науки личности».

Для профессиональных психологов, философов, логиков, математиков, экспертов по междисциплинарным исследованиям, а также для магистров, аспирантов, преподавателей психологических дисциплин.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-7598-0893-0

© Петровский В.А., 2013

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительные заметки	6
-----------------------------	---

Часть первая

ПСИХОЛОГИЯ «Я»:

ЛОГИКА КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

Глава 1. Индивид. Организм как психофизическое целое	13
1.1. Сущее, существо, организм	13
1.2. Индивид. Психика. Сознание	16
Глава 2. «Я»; Субъект. Индивид как <i>causa sui</i>	28
2.1. «Я»: воспроизводство себя в рефлексии	28
2.2. Субъект: воспроизводство себя в поведении	61
Глава 3. Личность. Отраженность и неотразимость «Я» (феноменология отраженной субъектности)	81
3.1. Личностность — отраженность себя в другом	81
3.2. Индивидуальность — неотразимость	105

Часть вторая

ПСИХОЛОГИЯ «Я»:

ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Глава 4. Импликация. Опыт психологического портрета	117
Глава 5. Модель гедониста: рефлексивная возгонка влечения	136
Глава 6. Триумвират субъектов: транзактная модель выбора	152
6.1. Базовая модель рефлексивного выбора и транзактная модель личности	152
6.2. Импульсная модель экзистенциального выбора	181
Глава 7. Опыт эмпирического обоснования мультисубъектной модели выбора	193
Глава 8. Метаимпликативная модель мотивации выбора	211
Глава 9. Транзактный контур саморегуляции	241

Глава 10. Состоятельность индивидуальности.....	251
10.1. О состоятельности — «без формул».....	251
10.2. Модели состоятельности	253
Глава 11. Самополагание	282
11.1. Семь пространств существования личности.....	282
11.2. Состоятельность самополагания	287
Глава 12. В поисках оптимума состоятельности: стратегии «субъектных» сборок.....	309
Глава 13. «Значимые другие» во мне: парадокс адюльтера	334
Глава 14. Булева модель смысловых миров. Во что верит мысль?.....	340
14.1. Смысл. Значение. Ноумен	340
14.2. По ту сторону смысла.....	362
Глава 15. Алгебра когито	383

Часть третья

ПЕРСОНО-ЛОГИКА

Глава 16. Общая персонология: наука личности.....	421
Глава 17. Категориальный строй психологии: «академический взгляд»	436
Глава 18. Категориальный строй психологии: персонологический поворот	469
Заключительные заметки.....	486
Библиография	489

ПОСВЯЩАЮ ПЕРСОНОЛОГАМ:

Артуру Владимировичу Петровскому

Алексею Николаевичу Леонтьеву

Владимиру Петровичу Зинченко

Владимиру Александровичу Лефевру

Татьяне Архиповне Таран

Эрику Берну

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Эта книга посвящена созданию и апробации логико-психологических и логико-математических моделей человека в мире, лежащих в основе персонологии «Я».

Скажу сразу, в каком плане здесь используется термин «модель».

Я вижу четыре значения этого термина применительно к задачам психологического познания (иллюстрирую в основном известными работами отечественных авторов).

1. *Описательные (дескриптивные) модели.* Они представляют собой схемы, маршруты, «ориентировочную основу действия» исследователя, погружающегося в свой предмет. Я мог бы назвать выдающиеся работы моих коллег, российских психологов, создающих модели, имеющие не только инструментальный, но и самоценный характер с точки зрения становления психологической теории и практики. Существенную роль в разработке таких способов понимания индивидуальности играют ценности исследователей, аксиологические аспекты продвижения вглубь изучаемой реальности. «Я»-центрированные модели такого рода (выступающие под разными именами) представлены в работах С.Л. Рубинштейна [1973], К.С. Абульхановой-Славской [1999], А.Г. Асмолова [1986; 2007], Б.С. Братуся [1981; 1994], А.В. Брушлинского [2000], Ф.Д. Горбова [2000], В.П. Зинченко [1997; 2009; Зинченко, Моргунов, 1994], В.Ф. Петренко [2010], В.В. Столина [1983] и ряда других мастеров психологии.

2. *Прогностические модели.* Важное различие касается «аристотелевского» (индуктивного) и «галилеевского» (дедуктивного) подходов в построении подобных моделей. Это различие прекрасно проанализировано в диссертационной работе В.В. Архангельской [2005], посвященной проблемам понимания в современной индирективной психотерапии. Так, в частности, автор показывает, что в рамках галилеевского подхода «мыслить» — это моделировать, чтобы, сверяясь с данными наблюдения, вновь моделировать, оттачивая теорию. Зна-

ния не извлекаются из опыта, а только проверяются на опыте, причем в обстоятельствах, далеких от условий реальной жизни (свободное падение тел в пустоте).

В самом деле, ошеломляющий факт: пушинка и металлический шарик падают с одинаковой скоростью в вакууме, что абсолютно противоречит обыденному опыту; эти феномены живут в теоретической плоскости. Общеизвестно, что физиков данное положение дел нисколько не смущает. Наоборот, несовпадение между поведением «идеального объекта» и объекта наблюдаемого — явление вполне нормальное. Оно служит предпосылкой построения все более охватных и дифференцированных моделей реальности.

Физики впрямую говорят о нехватке «сумасшедших идей». Однако мне не приходилось слышать, чтобы психологи выказывали интерес к подобного рода идеям. Исключение, пожалуй, составляет памятное мне высказывание А.В. Петровского: «Нам нужны сумасшедшие идеи!»; впрочем, далее следовал комментарий: «Но еще никто не доказал, что нам нужны идеи сумасшедших». По-видимому, в психологии между сумасшедшими идеями и идеями сумасшедших перегородка тоньше, чем в физике. Точных прогнозов применительно к сложным формам человеческого поведения мало; каждый прогноз грозит превратиться в повод к опровержению. Но если допустить, что психологи когда-нибудь научатся «попадать в реальность» своими прогнозами, им все равно придется укоренять свои выкладки в переживаниях людей, чье поведение они прогнозируют. Есть, впрочем, работы снайперской меткости и глубины проникновения в свой предмет — например, модели, предлагаемые В.М. Алахвердовым [2000]. Абрис теории личности с акцентом на построении прогностических моделей содержится в трудах А.В. Петровского, предложившего онтологическую модель личности [2000]. В редких случаях мы имеем дело с пересечением прогностических и интерпретативных моделей. Таковы, например, концепция интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [1996]; структура «личностных факторов» принятия решений Т.В. Корниловой [1994]; модели, представленные в работах В.Ю. Крылова [2000] и некоторые другие.

3. *Объяснительные (интерпретативные) модели.* Примером таких моделей в психологии личности являются многообразные психоаналитические построения, идеи общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева [1975]; теория установки Д.Н. Узнадзе [1996],

некоторые модели психики, сознания, самосознания и развития личности, разрабатываемые в русле классической (= неспекулятивной¹) психологии. Таковы модели, представленные работами Т.Ф. Базылевич [1998], В.Г. Грязевой-Добшинской [2004], Л.А. Дорфмана [1993], О.А. Конопкина [1980], Н.И. Непомнящей [1975], А.К. Осницкого [1996], О.С. Никольской [2000], В.Т. Кудрявцева [1998], В.Е. Лепского [1998; 2007], К.С. Лисецкого [2008], В.И. Моросановой [2006], В.С. Мухиной [2007], Н.А. Носова [2000], И.В. Равич-Щербо [2000], Э.В. Сайко [2006], Е.И. Улыбиной [2001], В.Д. Шадрикова [2007; 2009] и др. Интерпретативные модели, сохраняя дистанцию по отношению к данным непосредственного опыта, тем не менее, ориентированы на него и, кроме того, по ряду параметров сближаются с прогностическими моделями.

4. *Трансформационные модели.* Мы называем их так, потому что они преобразуют то, что описывают. Именно эти модели могут быть названы «неклассическими» психологическими моделями. Ряд психотерапевтических систем и подходов — например, транзактный анализ [Берн, 2000; 2001; Джойнс, Стюарт, 1996, и др.]; личностно-центрированная терапия [Роджерс, 2005]; понимающая психотерапия [Василук, 2007]; процессуальная психотерапия [Минделл А., Минделл Э., 1999]; глубинная топологическая психотерапия [Лаврова, 2001]; «триалог» [Орлов, 1995]; терапия инициального опыта [Пузырей, 2005]; мультисубъектная персонология [Петровский, 2004] и др. — задают такие способы описания и объяснения, что в результате сам «объект» понимания (содержания субъективной сферы субъекта, выступающие в самосознании) трансформируется. Это часть общей закономерности, описывающей связь рефлексии и знания: «В результате рефлексии ее объект — система знаний — не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, т.е. становится иным, чем он был до процесса рефлексии... Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и со-

¹ Автору этих строк довелось дважды — на Эльконинских чтениях и семинаре, посвященном памяти А.А. Леонтьева, — выступать с докладом «Классическая психология как неклассическая наука».

знания, т.е. с обращением познания на самого себя» [Лекторский, 1980, с. 266].

Очевидно, что модели, обозначенные как «трансформационные», лишь в том случае могут оправдать свое имя, если позволят в большем объеме и с большей отчетливостью рефлексировать изучаемую реальность, а также предсказывать и объяснять ее проявления

Имея дело со всеми категориями-степенями осмысления индивидуальности, мы фокусируем внимание на категории «Я» — центральной категории в ряду других, «персоналогических», т.е. относящихся к науке, которую мы именуем «наукой личности» [Петровский, 2003]. «Центральное место» — это, конечно, не оценка сравнительной важности категории. Было бы нелепо считать, что есть среди них «более» или «менее» важные — как если бы одни категории занимали почетное, «центральное», место, а другие были бы менее уважаемыми, «периферийными». Речь идет лишь о том, что «Я» («субъект») занимает срединное положение в цепочке категорий, описывающих человека:

организм — индивид — «Я» — личность — человек.

Особое положение категории «Я» («субъект») в ряду позволяет рассматривать ее как связующую, узловую, проводящую сквозь себя «токи» влияния и последующего синтеза категорий ниже- и вышележащего уровней. Слева от «Я» в этом ряду — уходящие корнями вглубь человеческой природы категории «индивид» и «организм», а справа — поднимающиеся ветвями ввысь категории человеческой культуры «личность» и «человек». Процессы развития «Я» можно мысленно прочитать «слева направо» и «справа налево». В первом случае мы рассматриваем логику перехода «природного» в «культурное»; во втором — встречную логику перехода.

Обе логики правомерны.

В книге мы рассмотрим логику синтеза этих категорий (первая часть книги); предложим читателю ознакомиться с опытом построения логико-математических моделей в области психологии «Я» (вторая часть); наметим переход от теоретических моделей к построению предмета особой психологической дисциплины — «консультативной психологии», обращенной к «Я» человека (третья часть).

В первой части книги акцент делается на *дескриптивных* моделях, описывающих взаимосвязь категорий персонологии, имеющих «об-

щую точку» в «Я». Автор опирается при этом на логический механизм «рефлексивной дедукции» (это наше рабочее название). Так, отталкиваясь от понимания индивида как психофизической целостности, заключающей в себе организм, мы рассматриваем отраженность (воспроизводство) индивида в себе, получая категорию «Я» («субъект»); рассматривая отраженность субъекта в себе самом и в других субъектах, их отраженность в нем, а также неотразимость каждого в каждом, мы приходим к категории «личность»; и наконец, говоря о форме существования *личности* в пространстве содействия друг другу (воспроизводство отношений, обеспечивающих взаимную субъектную представленность индивидуумов, «пространство любви»), мы обращаемся к категории «человек».

Во второй части книги представлены *интерпретативные и прогностические* модели. Они имеют логико-математическую форму; каждая из них может быть подтверждена или отброшена; одни из моделей имеют исключительно гипотетический характер, а другие рассматриваются в контексте проведенных эмпирических исследований.

Третья часть книги посвящена предмету консультативной психологии, содержащей основания для построения и оценки существующих и будущих *трансформационных* моделей персонологии.

Часть первая

ПСИХОЛОГИЯ «Я»:

ЛОГИКА

КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

Глава 1

ИНДИВИД. ОРГАНИЗМ КАК ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

В российской психологии утвердилась традиция определять «личность», отталкиваясь от понятия «индивид». Но к этому последнему нужно еще подойти. Существует несколько путей восхождения; наиболее известный — леонтьевский [Леонтьев, 1975]. Мы предлагаем еще один путь — в русле идей «теоретической психологии» [Петровский, Петровский, 2000].

Ближе всего к понятию «индивид» стоит понятие «организм» («живое»; «живое существо»). Но и понятие «организм» логически производно, имея свою предпосылку в понятии «существо»; а то, в свою очередь, базируется на понятии «сущего». Рассмотрим все это детальнее.

1.1. Сущее, существо, организм

Сущее. Мы называем что-либо «сущим», подразумевая его постоянство (воспроизводимость) в пространстве-времени. Нечто сущее — это еще не *существо*. Оно может рассматриваться просто как вещь, т.е. без каких-либо признаков жизни. В семиотике есть обобщающий термин «актант». Это термин-подножье множества более конкретных, более богатых своими определениями терминов. Он обозначает нечто, способное быть источником движения или как минимум подвергаться воздействию («претерпевать»)². Как в том, так и в другом случае оно рассматривается как обладающее относи-

² В последние годы древнее аристотелевское понятие «претерпевание» возвращается в психологию в контексте анализа *претерпевания действующим своего действия* [Эльконин, 2005].

тельным постоянством, т.е. способное «пробывать», а не только меняться (рис. 1).

Существо. В распространенном понимании, хотя это понимание и не формулируется эксплицитно, *существо* есть нечто сущее, вступающее во взаимоотношения с другим сущим (чем-то *иным*) и тем самым (т.е. посредством этих взаимоотношений) обеспечивающее свое постоянство (рис. 2). О существе можно говорить — *агент*, а об этом «ином» — *реагент* (среди них *контрагенты*, т.е. *другие существа*, и *реагенты среды = вещи*). Все существа обладают запросами и ресурсами и, вступая во взаимодействия с реагентами, характеризуются тем или иным уровнем состоятельности. Здесь уже намечена, хотя прямо и не выражена, идея *живого* существа. Когда идея «существа» в значении *живого* существа формулируется явным образом, оно получает новое имя — «организм», «живое».

Организм (живое). На вопрос, чем живое сущее отличается от неживого, мы вслед за В.М. Ривиным (Михайловым)³ ответили бы так: оно существует *дольше*, чем любая из его частей, это целое, которое сохраняет себя на более длительный срок, чем любая из его частей, даже самых устойчивых во времени. Ту же мысль можно выразить более эмоционально: живое есть целое, сохраняющее свою пространственную организацию и побеждающее время. Об организме мы не говорим (хотя и не отрицаем возможности этого), что он обладает каким-либо целостным образом себя (избегаем здесь телеологических интерпретаций), и не используем, например, таких определений, как «бытие для себя». Для нас организм есть нечто *само по себе и через себя сущее*, иначе говоря, нечто *дореклексивно* длящееся в мире (рис. 3). Заметим, что в речи сохраняется словосочетание «по себе» в значении детерминанты процесса: «не *по себе* дерево рубишь», «суди *по себе*» и т.п.; «по себе» здесь не образ, а прежде всего прообраз действия и его результата. Сказанное настолько важно, что нелишне еще раз подчеркнуть: «само по себе» не предполагает посредничества в

³ В.М. Ривин (Михайлов) — ученый, писатель, в советские годы заведующий отделом науки «Литературной газеты». Статья о сущности живого была принята в журнал «Natura», известный своими выдающимися публикациями; увы, в силу ряда причин публикация не состоялась. Рукопись статьи В.М. Ривина [1977] о сущности живого мне была любезно предоставлена дочерью этого яркого человека, психологом Ириной Владимировной Ривинной.

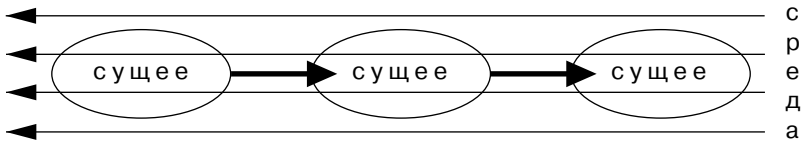

Рис. 1. Сущее

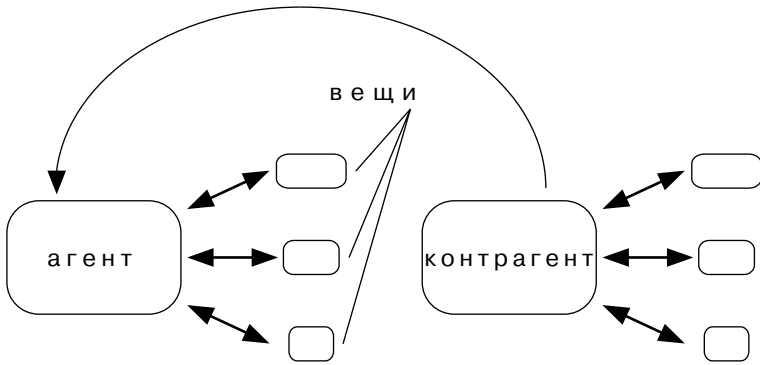

Рис. 2. Существо (агент)

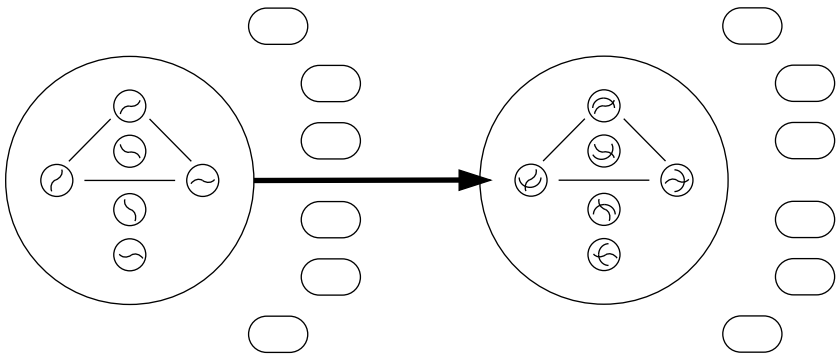

Рис. 3. Организм (живое)

виде образа чего-либо, но, наоборот, это «что-то» выступает как прототип производимого (оригинал, диктующий воспроизводство)⁴.

1.2. Индивид. Психика. Сознание

Говоря об индивиде, мы опираемся на такие конструкторы, как *бытие, физическое и психическое, объективно и субъективно существующее, переживание, чувствования и ощущения* и др. Предлагается следующее определение: *индивид есть живое существо (организм) как психофизическое целое*. «Психическое» и «физическое» здесь трактуются как равноценные определения его бытия (рис. 4б).

Индивид при этом не отождествляется с организмом как физическим телом, и наряду с этим психическое не рассматривается здесь как некое «отражение» состояний физического тела (образ этих состояний и т.п.), чему соответствовал бы рис. 4а. Избегая подобных упрощений, столь типичных для многих публикаций, мы исключаем возможность впасть в дурную бесконечность уже на следующем шаге логических построений, связанных с введением понятия «Я». Ведь «Я» предполагает момент отраженности индивида в психике, но если индивид есть *носитель* психики, а психика есть *отражение* состояний тела и его окружения, то и отраженность индивида в себе самом должна включать отраженность его бытия как носителя его психики, в которой он, в свою очередь, отражен как носитель психики и т.д. до бесконечности.

«Психика» — система процессов и состояний взаимоперехода между объективными и субъективными атрибутами бытия живых существ (организмов)⁵. Пояснением нашей дефиниции может служить рис. 5.

⁴ Читатель заметит, что понятия «цель» и «целесообразность» не входят в качестве определяющего признака (по крайней мере, в эксплицитной форме) в эту трактовку «организма». Не все воспроизводящееся подлежит целевой трактовке (например, круговорот воды в природе). Не будем спорить по поводу целевой организации мироздания: вполне возможно, что Вселенная похожа на организм (является целевой системой), однако обратное, казалось бы, очевидное, утверждение (организм похож на Вселенную) не представляется нам бесспорным.

⁵ Эта дефиниция впервые была дана нами в статье «Психология: непредметность предмета» в «Трудах ярославского методологического семинара “Предмет психологии”» [Петровский, 2004], а далее зафиксирована в статье «Психика» (совместно с М.Г. Ярошевским) для «Психологического лексикона» [Ярошевский, Петровский, 2005].

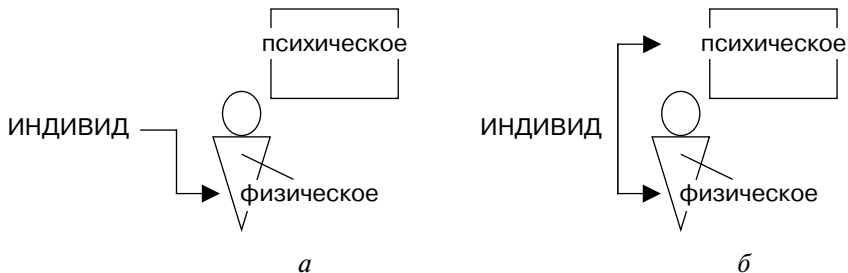

Рис. 4. «Индивид» — это *a* или *б*?

Рис. 5. Психика

Под «субъективным» подразумевается внутренняя, т.е. неотчуждаемая от живого существа и порождаемая им самим система *феноменов*, совокупность чувственных проявлений его бытия. «Субъективное» включает *образы* мира (конфигурации «чувственной ткани», в которых воспроизводятся формы объектов); *мысли* («усмотрение отношений» как специфическое переживание); цели и побуждения (чувственные прообразы будущего); *аффекты, эмоции, чувства; переживаемое движение* и др. Неотчуждаемость «субъективного», «внутреннего» от индивида может быть осмыслена в соответствии с различием условий *порождения* и *существования* этих феноменов. Возникнув однажды, субъективное неотделимо от производящих его условий (локус существования того, что возникло, совпадает здесь с локусом возникновения его).

В этом отличие его от *физического* как объективно сущего. Объективное есть *всеобщее* достояние — то, что потенциально «существует для всех».

На фоне многочисленных попыток определить «психику» (*психическое*), которая часто неправомерно отождествляется с «субъективным» (будь то «сознательное» или «бессознательное»), философы и психологи, трактующие этот предмет, поразительно мало внимания уделяли тому, что представляет собой *физическое*. Между тем без этого никакие попытки справиться с первой задачей не могут претендовать на успех. И в связи с этим мы обратим внимание читателя на тот признак существования, который может рассматриваться как определяющий для понимания *физического*. Оно может быть осмыслено как обладающее свойством *транспонируемости*: для него выполним *перенос*. Действительно, физическое тело («вещество») или физическая волна, возникая где-либо, могут быть «перенесены» за пределы места своего возникновения, при этом их свойства сохраняют свою неизменность. Локус существования физического может отличаться от локуса его возникновения.

Психическое и его атрибут — *субъективное* — возникнув «где-то», остается там, где возникло. По этой причине внутреннее, субъективное невозможно каким-либо способом «увидеть», «подсмотреть» (сфотографировать или каким-либо еще способом воспроизвести) с позиции внешнего наблюдателя: оно не распространяется, подобно волне, и не перемещается, подобно вещи; оно принадлежит исключительно индивиду, составляя его достояние, его имманентное свойство. Ни боль, ни запах, ни переживание «красного», ни ощущение плотности, ни образ объекта передо мной, ни мысль, ни чувство, ни смыслы как формы проявления психического не могут быть «извлечены» из той среды, из того «места» пространства, в котором они возникли — такой перенос всегда означал бы трансформацию психического (вплоть до его полного уничтожения).

Психические процессы невидимы, беззвучны и неосязаемы; они не имеют ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Но без них было бы невозможным появление зрительных, слуховых, кинестетических ощущений, невозможны чувственные переживания. Так же и воля, внимание, сопровождаемые напряжением и усилием, сами по себе сверхчувственны; они не являются чувствами напряжения и усилия как таковыми. Переход объективного в субъективное и субъективного в объективное, совершаемый посредством психики, эмпирически неуловим. Зазор, существующий между этими атрибутами бытия, не может быть «заполнен» физическими или химическими сущностями,

представлениями о волне и корпускуле; точно так же этот «зазор» не может быть «перекрыт» представлениями об известных или еще неизвестных элементах чувственного.

Попробую сказать об этом коротко (будем считать, что это памятка для читателя):

*Психика — это ль не диво творения?
Вот доказательство в две строки:
Нет никого, кто видел бы зрение
И осязал бы работу руки...*

Грань между объективным и субъективным отнюдь не условна, конечно, если считать, что психика — не «конструкт», а особая (третья) реальность. Психическое не только отделяет, но и связывает пространства объективного и субъективного. Если от этой общей посылки перейти к примерам, то вопрос звучит так: «Можно ли обнаружить в реальном физическом мире то, что нельзя не мыслить в связи с психическим?» Мы говорим, что это возможно! Такова, например, форма объектов, отношение между частями, границы, отделяющие одну часть от другой, динамика вещи, сходство, различия, запись (отпечаток) чего-то одного в чем-то другом. Я приведу пример «как бы физического» объекта, который в действительности к категории физических объектов не относится (если бы он имел статус физического объекта, то его поведение вступало бы в противоречие с законами физики). Так, пятно света, имеющее, положим, форму окружности, может перемещаться со скоростью, значительно превышающей скорость света. Я имею в виду известный парадокс с вращающимся прожектором, угловая скорость которого является, конечно, субсветовой, в отличие от возможной скорости перемещения светового пятна на отдаленном объекте (она-то и может быть существенно больше скорости света). Объяснение парадокса состоит в том, что круглое пятно, движущееся со скоростью $v > c$, не есть физический объект, и поэтому физические законы ему «не писаны».

Звезда — физический объект, а созвездие, как известно, нет.

То же самое можно сказать и про отношения, а стало быть, и про статические и динамические структуры, образуемые физическими сущностями. Говорят, форма воска, несущая на себе отпечаток предмета, не содержит ни грана вещества. Но также — и ни грана волны, если бы волна могла быть измерена в гранах.

Формы, «огранивающие» физические сущности, но ими не являющиеся, становятся «частью» психики, входя в субъективную сферу и опосредуя поведение индивида.

Особый вопрос заключается в том, чтобы осмыслить место «непространственных» ощущений в мире телесных контактов индивида с миром. О каких порожденных или порождающих *формах* здесь могла бы идти речь? Ведь ощущения, говорят, «просты». Вспомним тонизирующий эффект черного кофе и попытаемся перебросить мысленный мостик между этим переживанием, с одной стороны, и особенностями поведения взбодрившегося человека — с другой. О каком структурном соответствии могла бы идти речь при сопоставлении столь непохожих друг на друга явлений? В известных примерах А.Н. Леонтьева и вслед за ним В.В. Давыдова, демонстрировавших переход формы внешнего объекта в форму движения руки, а формы движения руки — в форму субъективного переживания формы объекта, вопрос подобным образом не ставится. Ведь тут перед нами наглядный пример переноса формы: форма объекта → форма деятельности → субъективная форма.

Мы полагаем, что место ощущений в системе организации поведения — двоякое. Как ни парадоксально, вполне «простое», казалось бы, ощущение способно структурировать поведение и, кроме того, способно направлять его.

В одном случае речь идет об ответе на вопрос: «Зачем?» Зачем нужны ощущения, если психика как носитель форм способна «сама» направлять поведение, не опираясь на параллельный ряд сопутствующих ей переживаний? Читатель, конечно, узнает в этом послыле знаменитый вопрос об эпифеноменальности психики. Действительно, легко может составить представление, будто ощущения — эпифеномен работающего (движущегося, воздействующего, действующего) тела индивида. Они (ощущения) будто «не нужны» ему для его собственной жизнедеятельности. И это, должен сказать автор, вполне справедливое недоумение.

Ну в самом деле, говорим мы, *телу* индивида ничего «не нужно» вообще; ведь именно тело является инструментом «нужды», *обслуживая* производимые его работой ощущения, а не наоборот (т.е. не ощущения обслуживают тело). Иначе говоря, ощущения — не столько возможный инструмент функционирования, сколько возможный

результат, цель, смысловой вектор существования индивида, само острие этого вектора.

Психика, иногда говорят, — «открытая система». Это, конечно, так! Субъективное как внутренняя сторона психики сообщается с объективным, она разомкнута вовне. И тем не менее *субъективное*, говорим мы, смыкается с собой через мир; оно цельно, самоценно и самонацеленно. Когда мы видим в психике, субъективном, исключительно регуляторную функцию (многие из нас вслед за С.Л. Рубинштейном, а тот вслед за В.И. Лениным так и говорят о психике как о *функции* мозга), то это — только часть правды. Субъективное — не только инструмент (обслуга) жизни. Субъективное есть ее внутренняя цель, *энтелехия*. Не «желание жить» для жизни, а жизнь — для того, чтобы переживать в себе силу жизни. Подчеркиваем: жизнь — для переживаний, а не переживание — для жизни; или, если взглянуть на это с эволюционной точки зрения, — *выживание* для *переживаний*, а не *переживания* для того, чтобы физические (материальные) тела *выжидали*. Ведь физические тела вообще ни в чем не нуждаются.

Иначе говоря, в логическом плане вполне допустима альтернативная традиционной точка зрения на эволюционный процесс. Традиционная состоит в том, что живые существа в борьбе за существование, свое физическое присутствие на земле, совершенствуются; спонтанные мутации отбираются средой. Перед нами прогресс, все большее совершенствование телесной организации живых существ, физических тел (вопрос «зачем?» при этом не имеет смысла, физические тела существуют «почему-то», «в силу чего-то», а не «ради чего-то» или «зачем-то»). Другой взгляд на эволюцию: это отбор таких свойств живых тел, которые позволяют ощущать, переживать, мыслить — наслаждаться своим бытием в мире⁶.

Такая трактовка психики, субъективного не должна быть понята как очередная версия телеологической интерпретации жизни в духе «постулата сообразности» («адаптивности») поведения и сознания индивидов, их устремленности к заранее известному целевому со-

⁶ Мы говорим здесь об эволюции живой природы и далеки от мысли всю Вселенную рассматривать в эволюционном плане как «движущуюся» в направлении субъективного. Но, заметим, что когда кто-либо из нас говорит, что он «далек» от некоей мысли, то это значит, что именно такая мысль приходит ему в голову. Итак, я говорю читателю прямо: я «далек от мысли», что когда-нибудь будет написана «новая история универсума», «новая космогоническая теория» по имени *Наслаждающаяся Вселенная*.

стоянию (см. разд. 2.2). Субъективное, по своему качеству, вечно новое; узоры психического, как в калейдоскопе, меняются, в каждый момент времени они своеобразны. Трудно помыслить их заранее «записанными» в физике тела и тем самым как бы «из прошлого» — в первоначальной форме — переходящими в будущее. Поэтому субъективное как внутренняя цель (энтелехия) поведения и развития живых существ не может быть понято как некое *предустановленное* состояние или отношение. Оно включает в себе избыток — как по отношению к прошлому, так и к возможному будущему (см. разд. 14.2). Далее, раскрывая возможное место ощущений в организации поведения, от вопроса: «Зачем?» мы переходим к вопросу: «Как?» (как возможно, чтобы «простое» ощущение конфигурировало сложное поведение). Суть возможного ответа состоит в следующем. Нет ощущений, изолированных друг от друга. Любое ощущение соотнесено с ощущением, которое ему непосредственно предшествует и за ним следует, существует на фоне других ощущений или само образует фоновое ощущение по отношению к какому-либо другому. Нет и не может быть изолированных ощущений; в субъективном пространстве-времени они сосуществуют друг с другом. Иными словами, было бы заблуждением полагать, что ощущения бывают «точечными». Они всегда «заполняют» области субъективного опыта, а значит, заключают в себе *границу*. Так, «синее» отграничено от «красного», «этот запах» от «того». Они ограничивают и ограниваются друг друга. Длительность и пространственность ощущений неразлучны (интересно, что сказал бы по этому поводу А. Бергсон?⁷). Усилим тезис, «собе-

⁷ Согласно Анри Бергсону, математическая пространственная метафора времени (пространственная ось) неадекватна реальному переживанию времени — «длительности». Познание чистой «длительности» доступно лишь интуиции, понимаемой как непосредственное «постижение». «*Реальная длительность* есть то, что всегда называли *время*, но время, воспринимаемое как неделимое. Что время предполагает последовательность, я этого не оспариваю. Но чтобы последовательность представлялась нашему сознанию, прежде всего как различие между рядоположенными “прежде” и “потом”, с этим я не могу согласиться... в пространстве, и только в пространстве, существует отчетливое различие частей, внешних друг другу» [Бергсон, 1913, с. 31–32]. «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали; для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться. Но оно также не должно забывать предшествовавших состоя-

рем» мысленно ощущения в отдельные «психические состояния», образуем *паттерны* ощущений. И если нам удастся это мысленное собирательство, то мы будем готовы сказать, что ощущения способны к образованию *форм*. А если так, то границы и основанные на них формы сочетания ощущений приобретут в наших глазах искомую функцию. Мы сможем рассматривать их как нечто, способное *направлять* (*структурировать*) поведение — конфигурировать потоки активности. Ибо форма включает в себе пространственное определение, структуру (так же как перфокарта с отверстиями, образующими определенный рисунок). Такая структура способна опосредствовать активность, сказываясь на ее протекании.

Таким образом, тело — инструментально; душа ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$) — самоценна. Организм есть машина, *поставляющая* ощущения и *опирающаяся* на них в своем функционировании. Как же это происходит? И какова перспектива динамики?

Предположительно, это происходит так. Сначала в результате телесных контактов индивида со своим окружением в его психике спонтанно появляются ощущения, имеющие определенный гедонистический тон («приятное» — «неприятное»). Далее в психике фиксируется маршрут, приводящий к таким ощущениям. Поскольку переживание *конфигурировано*, т.е. имеет *форму*, возможно управление поведением, ведущим к позитивному результату (действительно, там, где возможно говорить об управлении со стороны субъективно-го, мы всегда находим следы наслаждения и страдания, вкрапление опыта притягательных и отталкивающих переживаний). При автоматизации поведения существующие в психике переживания, имевшие гедонистический знак, становятся необязательными и покидают субъективную сферу.

ний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помещало их рядом с наличным состоянием, наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их так, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе» [Бергсон, 1992, с. 93]. Длительность всегда существует как единство прошлого и будущего, прошлое всегда существует в настоящем, настоящее существует как воспоминание о прошлом. А Бергсон сравнивает длительность со снежным комом, скатывающимся вниз с горы: разрастаясь, он сохраняет в себе первоначальное состояние; длительность, сберегая в себе настоящее и прошлое, вбирает будущее. «Реальная длительность состоит из моментов, внутренних по отношению друг к другу»; «когда она принимает форму однородного целого, она уже выражается в пространстве» [Бергсон, 1914, с. 167].

«Пограничным» статусом психического объясняется феномен перманентного поиска и реинтерпретации психологией своего собственного предмета (время от времени психология как бы утрачивает свой предмет), «исчезновения» фундаментальных психологических категорий и понятий. На протяжении истории психологии встречались случаи отрицания психологами реальности «ощущения», «внимания», «воображения», «мотива», «воли», «деятельности», «субъекта» и др. Примером может служить высказывание Х. Хекхаузена, описывающее онтологический статус «мотива», базовой категории психологии: «В действительности никаких мотивов не существует» (подразумевается, что это — конструкт нашего мышления) [Хекхаузен, 1986, с. 37]. Между тем предлагаемое здесь понимание психики исходит из признания *реальности* ее бытия: психика по отношению к объективному и субъективному есть «нечто третье» — особый род бытия, описываемый понятиями «сопредельное», «переходное», «связующее».

Процессы и состояния, объединяющие внешние и внутренние составляющие бытия индивида, объективные и субъективные измерения его жизни, опосредствуют движение «извне вовнутрь» и «изнутри вовне». В первом случае имеется в виду «перенос» форм внешних индивиду объектов во внутренний, субъективный план (познание в широком смысле), во втором — встречное движение (рождение и воплощение вовне внутренних моделей мира).

Это не означает, что содержания субъективного «внутреннего», все без остатка могут быть сведены к каким-либо внешним воздействиям, имея свой прототип вовне и являясь копиями (отражениями) этого прототипа. Точно так же и объективное, «внешнее», сохраняет своего рода дистанцию по отношению к психическому: не все в объективном актуально «переводится» психикой в субъективный план, и не все являет собой воплощение субъективного. Но каждый процесс, каждое состояние или свойство психики представляет собой единство «центростремительного» (ориентировочная активность) и «центробежного» (исполнительная активность) переходов объективного в субъективное и субъективного в объективное.

Когнитивные акты, такие как восприятие, память, воображение реализуют переход «извне вовнутрь» (во всех случаях этот переход опосредствуется активностью индивида, направленной вовне).

Акты поведения — импульсивные, произвольные и волевые формы активности — реализуют обратный переход «изнутри вовне» (дан-

ный переход опосредствуется процессами, ориентированными противоположным образом — извне вовнутрь).

В противоположность «центростремительному» и «центробежному» мышление уравнивает оба процесса, придавая статус реальности тому, что до этого существовало в субъективном плане (воображение, гипотезы о мире), и в то же время — статус субъективного отношения, существующим вовне.

Подобно психическим процессам, психические состояния также представляют собой переходное звено между субъективными и объективными аспектами жизнедеятельности индивида: они реализуют функцию воспроизводства ситуации и играют регулятивную роль. В некоторых случаях психические состояния способны «порождать» свой объект, т.е. являются самоподтверждающимися (так, страх оступиться повышает вероятность падения, ревность «порождает» соперника).

Отдельные психические процессы и состояния выступают в единстве, образуя целостные системы активности, реализующие взаимопереходы объективного и субъективного. Таковы «предметная деятельность» в трактовке А.Н. Леонтьева [1975], «установка» в теории Д.Н. Узнадзе [1966], «настроенность» в концепции М.В. Басова [1928]⁸, «Я» как *идея* (гл. 2 этой книги) и др.

Психика относится к субъективным продуктам собственного творчества (мир субъективных явлений) так же, как и к объективной реальности: копирует нечто в том, что она сама создала, опускает что-то при этом, усиливает подчеркиванием, «группирует» заново. Эффекты восприятия двойственных картинок, «фигура-фон», перестук колес, в котором человек способен по своему произволу слышать то один стихотворный размер, то другой, все это — творения психики, результат вторичного психического отражения того, что уже было ранее отражено.

Из определения психики следует, что существуют осознаваемые (присутствующие в субъективном плане) и неосознаваемые ее содержания. Психика и исторически (в филогенезе и онтогенезе), и логически (в соответствии с приведенной дефиницией) — это образование, не осознаваемое непосредственно. Осознание основано на отражении

⁸ Несомненная научная заслуга Басова заключается в том, что он одним из первых отечественных теоретиков предложил системную точку зрения на организм как «единство и совершеннейшую согласованность» функций; ввел представление о «жизненном строе» (разрядка Басова), или «настроенности» организма, «в которой он пребывает в каждый данный момент» [Басов, 1928, с. 345].

(рефлексии) психического в субъективной сфере индивида; сознание — своего рода *автопортрет* психики вместе с ее предпосылками и результатами.

Мир субъективного объединяет в себе все, что есть для меня и единственно для меня, включая и мой собственный образ, в котором все это есть. Вопреки сложившемуся убеждению, мое «Я» ничего не воспринимает, ничего не видит. Есть только картинки, среди которых и картинка того, кто «смотрит», и даже картинка того, будто бы он что-то «видит». Но, разумеется, на этой картине нет *зрения* как особого процесса превращения нарисованного объекта посредством нарисованного субъекта в картинку образа объекта в голове у нарисованного человечка. «Видимое», «Видящий», «Видение» суть феномены субъективного, т.е. «картинки»; а «зрение» — это просто слово (оно субъективно дано как звучание), обозначающее стрелочку (или ее замещение) трансформации «видимого» в «видение» «видящим».

Таким образом, мы осмысливаем идею восприятия в терминах «есть»/«нет» «на картинке». При этом, как можно убедиться, мы устраняем лопатинского «человечка в человечке» — упраздняем саму идею воспринимающего «гомункулуса». Показываем, рисуя, что сам гомункулус — это фантом, включенный в структуру картинки, порождаемой мозгом. Иначе говоря, мы налагаем вето на гипостазирование (придание статуса объективно сущего) того, что является не более чем конструктором-картинкой.

Глобальный конструкт «психика» в значении посредника между «объективным» и «субъективным» реализует в себе исторически складывающиеся представления о взаимодействии и взаимосоответствии («сосуществовании», «параллелизме») внешнего и внутреннего, телесного и душевного, идею нерасторжимости объективного и субъективного атрибутов бытия индивида⁹.

В заключение сформулируем положение, имеющее гипотетический, а с точки зрения кого-нибудь из скептиков — и явно фантастический характер. Суть вот в чем. Если мы правы, и психика, обладая способностью отражать мир, сама по себе остается неотразимой, то проясняется эволюционный смысл психического (в качестве такой

⁹ В рамках теоретической психологии «психика» раскрывает себя в системе биологических, протопсихологических, базисных, метапсихологических категорий и экстрапсихологических (экзистенциальных) категорий теоретической и практической психологии [Петровский А., Петровский В., 2000].

невидимой силы, способной производить переживания и направлять поведение). Думаю, что этот вопрос о психике-невидимке, если только отважиться его поставить, заключает в себе и ответ. Кажется разумным считать, что, располагая такой волшебной способностью (выше мы назвали ее «дивом творения»), индивиды приобретают дополнительные возможности достигать своего, чувствуя защищенность, — т.е. особые конкурентные преимущества. Цели, планы, эмоции индивидуума — все это внутри него и соглядатаям недоступно. Таким образом, психика-невидимка скрывает от чужих глаз то, что должно быть действительно невидимо, и в этом возможный эволюционный смысл ее потаенности.

Но таков адаптивный смысл невидимости психики не только для ее носителя. В этом — великое благо для других индивидуумов. «Мне больно» — это ощущение непосредственно не передашь другому (так и говорят — «непередаваемая боль»). Продолжим рассуждать по старинке, в телеологических терминах, задавая вопросом «зачем?», «ради чего?». «Зачем» другому ощущать мою боль? В данных обстоятельствах именно мне, быть может, надлежит ее испытать... Однако, к счастью для всех остальных, *моя* боль незаразительна, *должна быть* неощутима другими. Поэтому эволюция как бы предупредила появление каких-либо физических волн или «струн», которые бы перенесли боль от одного индивидуума к другому. И точно так же не должны были быть «передаваемы» переживание смерти и множество других субъективных переживаний (так что не стоит особенно нам удивляться «неэмпатичности» себе подобных: это встроенный в нас эволюцией механизм самозащиты).

Словом, если искать эволюционный смысл, исключаяющий идею эпифеноменальности психики, то это не только «избыточность» ее содержаний относительно производимых движений, не только системные качества одних переживаний на фоне других (например, особенности переживания боли в обрамлении разных переживаний), но это еще и сама «невидимость» психических состояний (их неслышимость, беззапахость и т.п.). Не только мысли, но и ощущения, к счастью, не пахнут, что обеспечивает тайность наводок, секретность вынашиваемых индивидом планов, защищенность других от него и его от других. Состояния психики «самостны»: они присущи именно мне (непередаваемы — буквально, незаразительны — буквально).

И в самом деле — «зачем» моей боли быть на виду у всех, «зачем» всем другим испытывать ту же боль?

Научное издание

Петровский Вадим Артурович
«Я» в персонологической перспективе

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *А.А. Архипова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*
Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 16.09.2013. Формат 60×88¹/₁₆
Гарнитура NewtonС. Усл.-печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 25,2
Тираж 600 экз. Изд. № 1436

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 661-15-52

id.hse.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем Вас посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг и журналов, информацию о новинках и планах на будущее, отрывки из книг, рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация о том, где можно купить наши книги и как подписаться на журналы.

*Ждем вас круглосуточно,
каждый день!*